

условие сохранения существ, тогда как их разложение на множество частей — признак разрушения. Но единица — не только образующее начало бытия, она — степень его истинности: там, где единица, там равенство; вещь истинна, то есть является самой собою, лишь в той степени, в которой она равна своей сущности. Таким образом, единица через равенство порождает истину. Поскольку первая и абсолютная единица — это Бог, то совершенное равенство—это тоже Бог. Чтобы одновременно отразить и тождество, и равенство в Боге, теологи использовали слово «лицо»: субстанция Единицы тождественна субстанции Равенства, которое она порождает, но порождающее Лицо (Отец) отлично от порождаемого Лица (Слово). Со своей стороны, философы, очень хорошо чувствовавшие смежность понятий равенства и истины, называли это Равенство Единого то Мыслью, то Провидением, то Мудростью и делали это с полным основанием, потому что всякая вещь истинна благодаря Божественной истине, и, будучи множественными, вещи существуют благодаря единичности Бога. Здесь два языка, но по существу одна доктрина. Философы предчувствовали истину, которой обладают христиане.

Эта доктрина яснее всего свидетельствует о том, как неоплатонизм отдельных теологов расчистил путь арабскому неоплатонизму, прежде всего неоплатонизму Авиценны. Принцип, с помощью которого Теодорик объясняет порождение единственного Слова, заключается в том, что Единица может породить только единицу, равную Ей: «Unitas enim per se nihil aliud gignere potest nisi ejusdem unitatis aequalitatem»***. В этой формуле—теологически правильной — угадывается неоплатонический принцип, который, в формулировке Авиценны, почти полностью определит в XIV веке водораздел между философией и теологией: из одного может произойти только одно. В то же время Теодорик Шартрский со всей ясностью выдвинул принцип онтологии, в которой Единое выше бытия, потому что оно является его причиной: «cum autem unitas omnium rerum primum et unicum esse sit»****. Здесь не больше пантеизма, чем во всех других доктринах такого рода: вещи не являются бытием Бога, ибо Бог, будучи Единым, выше бытия. Теодорик лишь утверждает, что существа, которые не суть Единый, являются существами только через Единого, который не есть ни одно из этих существ. Подобное учение способствовало усилению влияния Про-кла, которое, как мы увидим, достигнет наибольшей интенсивности в спекулятивной мистике Экхарта и в метафизике Дитриха Фрейбергского.

К шартрским учителям примыкает интересный писатель XII века, не связанный сколько-нибудь определенно с их школой, но находившийся в кругу их друзей, поскольку свое сочинение он посвятил Теодорику Шартрскому, и оно явно проникнуто его духом. В трактате Бернарда Сильвестра, или Бернарда Турского*****, «О целостности мира, или Мегакосм и Микрокосм» («De mundi universitate sive Megacosmus et Microcosmus») чувствуется также влияние Макробия, «Асклепия» и особенно комментария Халкидия к «Ти-мею», которое постоянно ощущается в Шартрской школе. Это произведение состоит из

207

1. Шартрская школа

элегических дистихов, перемежающихся фрагментами в прозе. В первой книге трактата («Мегакосм») Природа жалуется Божественному Провидению на смешение, в котором пребывает первоматерия, и молит его упорядочить мир и привнести в этот мир красоту. Провидение охотно соглашается и, отвечая на мольбу, выделяет в недрах материи четыре элемента. Таково содержание «Мегакосма». Во второй книге («Микрокосм») Провидение, обращаясь к Природе, прославляет порядок, только что привнесенный им в мир, обещает